

УДК 821.161.1

АННЕНКОВА Е. С.

ЛЮБОВЬ КАК СВОЙСТВО БЫТИЯ

В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ И. ТУРГЕНЕВА И И. БУНИНА

В статье рассматриваются творческие связи И. Тургенева и И. Бунина в дискурсе дореволюционной и эмигрантской критики; исследуются особенности концепции любви в прозе И. Тургенева и И. Бунина в аспекте историко-типологического анализа.

Ключевые слова: любовь, жизнь, смерть, онтология, экзистенция.

Творческая судьба двух великих русских писателей И. Тургенева и И. Бунина на фоне русской литературной традиции и в контексте литературоведческого дискурса выглядит привычно феноменально, ибо, будучи обстоятельно изученными, эти писатели по-прежнему вызывают к себе живой интерес исследователей и продолжают нуждаться в глубокой интерпретации. Бунин является одним из самых сложных русских писателей XX века, однако творчество его, как и его личность, берет начало в веке XIX и представляет гармоничный синтез глубинных художественно-эстетических традиций классической русской литературы и новых культурно-литературных тенденций. Оригинальность таланта Бунина настолько выразительна и мощна, что поиск сущностных влияний на него предшествующей литературы крайне затруднителен, особенно учитывая его собственные настойчивые заявления об отсутствии в его творчестве следов даже любимых им писателей: «Я разнообразен как мало кто и – ни на кого не похож...» [6, 63]. Известны также бунинские нелестные и часто незаслуженные оценки творчества собратьев по перу, и причиной тому было то, что, как прозорливо отметил Ю. Лотман, «скрытое соперничество с корифеями русской литературы всегда занимало в его оценках большое место» [11, 172].

Бунин крайне щепетильно относился к собственному литературному

труду, творил, по его собственному признанию, с осторожностью, не желая повториться или хотя бы невольным словом напомнить кого-либо из своих предшественников: «Я начинаю писать, говорю самую простую фразу, но вдруг вспоминаю, что подобную фразу сказал не то Лермонтов, не то Тургенев. Перевертываю фразу на другой лад, получается пошлость, изменяю по-другому – чувствую, что опять не то, что так пишет Амфитеатров или Брешко-Брешковский....» [5, IV; 649]. Изучением преемственных связей бунинской прозы с классиками русской литературы активно занималась целая плеяда авторитетных ученых (В. Гречнев, В. Гейдеко, В. Келдыш, Л. Колобаева, Ю. Лотман, Э. Полоцкая, О. Сливицкая, З. Хайнади и др.), и в центре их внимания находились Л. Толстой и А. Чехов. При этом одни относили прозу Бунина к чеховскому типу (В. Келдыш, В. Гейдеко, Э. Полоцкая), другие утверждали, что Бунин – «художник толстовской ориентации, но очевидно и то, что он – существенно иной» [13, 466], а третьи совершенно справедливо говорили о том, что он, как и другие художники конца XIX века, «формировался в процессе сложных воздействий и противодействий, в своеобразном «скрещении» ориентиров – на Толстого не в меньшей мере, чем на Чехова» [10, 62]. Творческие же связи Бунина с Тургеневым, на первый взгляд лежащие на поверхности, стали объектом пристального изучения известных тургеноведов Г. Курляндской и Л. Назаровой. Представляется, однако, что ценные студии этих ученых требуют продолжения, и это тем более интересно по отношению к Бунину, который, всегда решительно отрицая любые влияния, обостренно чувствовал, что «душа всего человечества, душа тысячелетий» была с ним и в нем [5, IV; 452], и свято верил, что «ничто не гибнет – только видоизменяется» [5, IV; 166].

Уже в работах дореволюционных, а потом и эмигрантских критиков делались попытки отнести творчество Бунина к традиции Тургенева. Одним из первых след тургеновского у Бунина отметил М. Волошин, откликнувшийся рецензией на книгу стихотворений Бунина и отметивший их

особый ритм и живописную образность: «У Бунина нет корней в современной русской поэзии. Он стоит в стороне и ничем ей не обязан. Но у него есть глубокая органическая связь с русской прозой: с пейзажем Тургенева и с описанием Чехова» [7, 265]. Волошина поддержал Г. Чулков, который небольшой очерк «Листопад», посвященный поэзии и прозе Бунина, начал с утверждения: «Иван Бунин – единственный значительный представитель тургеневской полосы в современной литературе», отличающийся от всех других литераторов своим «четким, суховатым, но всегда точным и крепким стилем» [18, 280], в котором «есть благородная тургеневская ясность» [18, 282]. Неравнодушный к Тургеневу И. Анненский, еще в 1906 г. тонко разобравший «Клару Милич», в рецензии на изданные в пяти томах сочинения Бунина, отдавая предпочтения его прозе, а не стихам, отмечал, что в его творчестве «можно найти все черты писателя хороших тургеневских традиций. Бунин любит русскую природу и нашу старину в окраске отжившей помещичьей культуры...» [2, 300]. Все приведенные высказывания относятся к общим и внешним компонентам тургеневского творчества, о которых с легким пренебрежением, не проникая в тайну художества Тургенева, писал Ю. Айхенвальд: «Сладкий запах лип, и вообще эти любимые тургеневские липы, и старый сад, и старинный ланнеровский вальс в истоме «незаснувшей ночи», и «особенный, томительный, свежий запах русской летней ночи», и в ее тенях невидимый, но милый Антропка <...> и все эти сирени и беседки, освещенные тургеневской любовью, и пруд из «Затишья», и тихая Лиза в тишине монастыря, и усадьба, теперь испепеленное дворянское гнездо, над которым в наши дни грустно склоняется седая тень Тургенева, и, как душа всему этому, фея усадьбы, молодая девушка...» [1, 262]. Значимо, что Бунин в одной из самых сокровенных своих книг, в «Лике», вспоминает эту пронзительно знакомую, «архетипическую» атмосферу тургеневского «Дворянского гнезда» с его старой усадьбой, запущенным садом и героями: «Лиза, Лаврецкий, Лемм... И мне страстно захотелось любви» [5, V; 166].

Среди трудов эмигрантских критиков наибольшим проникновением в природу бунинского творчества отличаются статьи П. Струве и Ф. Степуна. П. Струве, известный глубокими работами, посвященными Тургеневу как художнику и мыслителю, в речи, произнесенной на чествовании Бунина в честь присуждения писателю Нобелевской премии, прямо связал его с Тургеневым: «Увенчание Бунина как-то символически совпадает с поминками Тургенева. Это совпадение значительно потому, что из всех великих русских писателей к Бунину всего ближе именно Тургенев. Бунин представляет ту же особенность духовной и писательской индивидуальности, которую мы встречаем у Тургенева. Но только у Бунина она выступает перед нами, так сказать, в еще более сгущенном виде. Основной особенностью дарования Бунина является, как и у Тургенева, необычайно яркая и мощная *слитность* дарования лирического с даром изобразительным и эпическим...» [16, 101]. Струве верно подметил выраженное субъективное начало творчества двух художников, обуславливающее проникновенный лиризм и тайную метафизическую печаль их прозы, которые не затмевают, а скорее подчеркивают присущую писателям мощь объективного повествования.

Еще более развернутые параллели творческой манеры Бунина и Тургенева приводит Ф. Степун в замечательной статье, посвященной разбору повести Бунина «Митина любовь». Его глубокие характеристики бунинского писательского мастерства, данные в начале статьи, объективно применимы к тургеневскому: «хороший русский язык, мастерство в описании природы, благородный тембр художественного дарования, зоркость, точность» [15, 365]. Однако, что делает Бунина, с точки зрения критика, писателем уже другой, не тургеневской и толстовской эпохи, так это «скудость художественных средств, та сдержанность жеста и темперамента» [15, 366], чем, впрочем, было отмечено позднее творчество и Тургенева. Говоря о Бунине-пейзажисте, Степун сразу же упоминает Тургенева как одного из «самых замечательных наших пейзажистов» [15, 370], однако совершенно справедливо акцентирует внимание на разности описаний природы у

Тургенева и Бунина. Он отмечает свойства классического тургеневского пейзажа: «Людские судьбы протекают у Тургенева в природе, природа аккомпанирует человеческим переживаниям. Она аккомпанирует так тонко, чутко, словно она не природа, а душа <...> но при всех вариантах природа у Тургенева все же всегда остается как бы на втором месте...» [15, 370]. У Бунина же, при том, что природа в его произведениях занимает важнейшее место и человек живет в природе, «гораздо меньше внешней живописности <...> Бунин как художник гораздо чувственнее Тургенева; эта чувственность определенно роднит его с Толстым» [15, 371].

Мысль Степуна о растворении бунинского человека в природно-космическом бытии соотносима с глубокими выводами О. Сливицкой о бунинской философии природы. Исследовательница верно отметила, что Бунину, как и Толстому, присуще антропокосмическое мироощущение, когда «человек не абсолютный центр Вселенной, и природа не поглощает человека полностью» [14, 65]. Тургеневу как художнику века XIX свойственно антропоцентрическое мироощущение, для него природа всегда поглощает человека, ничтожного перед лицом ее извечных законов, но человек все же стоит над природой как единственная неоспоримая ценность бытия. Для Тургенева был приоритетным «маленький писк» человеческого сознания, у Бунина же избыточное, как и у Тургенева, чувство индивидуализма уравновешивалось не менее избыточным чувством общей жизни, в связи с которой неуничтожаемым являлось и собственное «я». Проницательные и серьезные обобщения критиков о точках соприкосновения и расхождения писателей, а главное, само их творчество подталкивают к дальнейшим рассуждениям о специфике их художественной индивидуальности в аспекте историко-типологического анализа.

Одной из самых мощных и ярких в творчестве Тургенева и Бунина является тема любви и женщины. Чувством плененности Эросом отмечена личная и творческая жизнь писателей, и оба они в русской литературе признанные певцы любовного чувства, сформировавшие оригинальные

концепции любви, вместившие в себя весь опыт не только их индивидуальной жизни, но и всечеловеческого бытия. Поэтому продуктивным представляется опыт исследования степени близости и глубины расхождения великих русских писателей в осмыслении и изображении ими любви как самого непостижимого, таинственного, сильного и прекрасного чувства человека. Близость тургеневской и бунинской концепций любви в самых общих чертах уже отмечалась критиками. Так, еще Г. Чулков писал, что «в теме любви Иван Бунин остается верным тургеневскому идеализму» [18, 285]; Н. Тэффи тонко уловила тургеневский лиризм и тургеневский конец в бунинской «Натали» [5, V; 618]; О. Сливацкая утверждала присутствие тургеневского влияния лишь в «Грамматике любви» Бунина, сравнивая этот маленький шедевр писателя с «Бригадиром» Тургенева; Н. Кучеровский без убедительных и достаточных доказательств противопоставляет тургеневское и бунинское понимание любви, а В. Мескин говорит о наследовании Буниным в описании любви традиции Тургенева, обнаруживая «основательную типологическую общность» бунинских произведений о любви с тургеневской «Первой любовью» [12]. Однако все вышесказанное нуждается в существенных дополнениях и уточнениях, и в рамках статьи, не претендуя на полноту и окончательность выводов, остановимся на самых общих, но существенных аспектах философии любви Тургенева и Бунина.

Тургенев и Бунин запечатлели разные лики любви и многочисленные образы русских женщин, создав уникальную по глубине и силе мозаику любви в русской литературе. Их понимание любви неразрывно связано с выраженной в их творчестве философско-эстетической концепцией мира и человека, доминантами которой выступают осознание бесконечной непостижимости тайн мироздания, сущностной нерасторжимости жизни и смерти, любви и смерти, ценности жизненных мгновений, обнажающих перед человеком смысл его жизни и достоинство его личности, и «вечной неосуществимости полноты и цельности любви» (И. Бунин), обреченности

любви в земной жизни человека. Известно признание Тургенева в том, что вся его жизнь пронизана женским началом, любовью к женщине, без чего литературное творчество для него было невозможно. Бунин, пораженный влюбленностью во все женское в его неразрывной и первозданной связанности телесного, плотского и душевно-духовного, утверждал, что «ощущение жизни есть ощущение любви» [5, V; 304], и сама жизнь была вожаделенна ему как женщина [5, V; 444]. Поэтому любовь в сознании писателей носила онтологический и экзистенциальный характер, без нее немислима была сама жизнь, и именно в ней заключался весь тайный и парадоксальный смысл человеческого существования, «ужас жизни» и «сладость жизни» (И. Бунин).

Специфика художественно-эстетической реализации темы любви в творчестве Тургенева и Бунина позволяет думать не о продолжении Буниным традиции Тургенева, а о концептуальной типологической близости этих писателей, и речь идет не о буквальных или аллюзивных сюжетных, мотивных, образных совпадениях, а о принципиальной родственности и значимых расхождениях в философии любви этих художников. Тургенев справедливо считается певцом первой любви, которая, подобно революции, переворачивала жизнь человека и оставалась в его сердце навсегда единственно «безграничной, почти бессмертной любовью» [17, VII; 95]; у Бунина также, даже если любовь в известном смысле была не первой, она оказывалась таковой по силе и мощи воздействия на жизнь и судьбу человека. Магия и мистика любовного чувства заключалась для них в трансцендентности любви, отсюда частое и настойчивое уподобление ее природным стихиям, она осуществлялась, зарождалась и умирала в соответствии с природными законами и ритмами. У Тургенева любовь налетала на его героев мгновенно, как «взыгравший вихорь» («Вешние воды»), как «страстный вздох» природы («Рудин»), как гроза с ее блистающими молниями («Накануне», «Первая любовь»); как смертоносная молния («Фауст»); для Бунина же любовь была одной из мировых стихий,

безраздельно властвующих над человеком, что выразилось в метафоре солнечного удара, применимой ко всем произведениям писателя о любви. В ней содержится не только понимание любви как внезапной вспышки, возникнувшей между мужчиной и женщиной, томимых ожиданием любви и готовых к незабвенной и предопределенной судьбой встрече, но и момент экзистенциального переживания любви.

Думается, что Тургенев в русской литературе был одним из первых, кто раскрыл экзистенциальный смысл любви в жизни человека. Тургенев понимал любовь как растворение своего «я» в другом человеке, как открытие человеком Другого человека, озаренность им, потребность отдать себя другому и способность пожертвовать собой ради другого, возможность через другого открыть смысл собственной жизни и помочь другому постичь себя. Такой любовью обычно и любят тургеневские герои, для которых любовь, а иногда и страсть, является переломным моментом, обнажающим их человеческий потенциал и меняющим к лучшему или худшему течение их жизни. В мгновениях любви, в ее высшем осознании и признании заключалось для Тургенева, как и для Бунина, счастье жизни, то долгожданное, вожаденное счастье, его «лучезарный миг» (И. Тургенев), о котором давно мечтала и тосковала душа. Именно подобные миги жизни предельно обостряли переживания человека, являлись высшим напряжением его жизненных сил и движений души. Так было с Саниным, когда он с непоколебимой уверенностью, «с новым порывом», клялся Джемме в любви «навек и навсегда», с Алексеем Петровичем, собирающимся переменить свою жизнь и броситься к ногам Марьи Александровны, с влюбленным в Веру Павлом Александровичем и самой внезапно полюбившей его Верой и многими другими героями Тургенева.

О присутствии таких моментов в жизни каждого человека писал Тургенев в период острого душевного кризиса, когда сам стоял на распутье, в письме от 3 (15) октября 1857 года к своей задушевной корреспондентке Е. Ламберт: «В человеческой жизни есть мгновенья перелома, мгновенья, в

которых прошедшее умирает и зарождается нечто новое; горе тому, кто не умеет их чувствовать, и либо упорно придерживается мертвого прошедшего, либо до времени хочет вызывать к жизни то, что еще не созрело». Повесть «Ася» является красноречивой иллюстрацией этой мучительной мысли писателя. Молодой герой N. N. встречается с замечательной девушкой Асей, трепетные чувства и порывистая душа которой зажигают в его сердце всеобъемлющую жажду счастья, ответную влюбленность в нее. В то же время эта внезапная любовь ставит героя перед необходимостью жесткого и бесповоротного выбора, решения как своей, так и ее судьбы: «неизбежность скорого, почти мгновенного решения терзала меня...» [17, VI; 191]. Момент возможности проявления высшей, экзистенциальной свободы был дарован герою, в нем он предстал как бы между двумя пропастями, своего прошлого и будущего. Но в минуту этого наивысшего напряжения всех душевных сил обнажилась его человеческая незрелость, неготовность принять вызов жизни, и единожды дарованный каждому шанс изменить свою судьбу безвозвратно ускользнул от него. Лишь исчезновение Аси, горькие воспоминания о ней и глубокое одиночество привели героя к пониманию цены и значимости подобных экзистенциальных мигнов в жизни: «У счастья нет завтрашнего дня; у него нет и вчерашнего; оно не помнит прошедшего, не думает о будущем; у него есть настоящее – и то не день, а мгновенье» [17, VI; 197]. Не сказанное вовремя нужное слово, страх за свой привычный, удобный образ жизни и нереализованный шанс на счастье отравили герою его дальнейшее существование: «Одно слово... О, я безумец! Это слово... я со слезами повторял его накануне, я расточал его на ветер, я твердил его среди пустых полей... но я не сказал его ей, я не сказал, что я люблю ее...» [17, VI; 199].

Эти тургеневские «мгновенья перелома» были хорошо знакомы и Бунину, который в своих поздних записях отмечал: «Мы живем всем тем, чем живем, лишь в той мере, в какой *постигаем цену* того, чем живем. Обычно эта цена очень мала: возвышается она лишь в *минуты восторга* – *восторга счастья или несчастья*, яркого сознания приобретения или потери;

еще – в минуты поэтического преображения прошлого в памяти» [цит. по: 10, 88]. Ситуация тургеневской «Аси» эхом отзовется в бунинских рассказах. Так, поручик из «Солнечного удара» лишь после отъезда прекрасной безымянной незнакомки осознает всю значимость случившегося с ним. Именно этот миг безмерного, но упущенного счастья обнажил перед ним всю бесцельность его прошлой жизни и бессмысленность будущей: «если бы можно было каким-нибудь чудом вернуть ее, провести с ней еще один, нынешний день, – провести только затем, только затем, чтобы высказать ей и чем-нибудь доказать, убедить, как он мучительно и восторженно любит ее...» [5, IV; 386]. Легкомысленный герой «Генриха» также сталкивается с женщиной, к которой потянулась его душа и которую он мог бы в ответственный час поворота его жизни не отпустить, сказав ей вовремя бессмертные слова любви. Этот момент высшего озарения, понимания всей значимости встречи с красивой и талантливой журналисткой приходит к поэту Глебову с губительным опозданием. Он освещает ярким светом миг настоящей любви с ней и страшную вечность существования без нее, а тягостная невозможность вернуть это поистине волшебное, счастливое мгновенье совместного со-бытия обнажает перед ним всю неумолимость и жестокость утраты: «Если бы сейчас вдруг постучали в дверь, и она вдруг вошла, спеша, волнуясь <...> я бы, кажется, умер от счастья. Я сказал бы ей, что никогда в жизни, никого на свете так не любил, как ее, что Бог многое простит мне за такую любовь...» [5, V; 368]. В этих примерах использования Буниным сослагательного наклонения чувствуется отголосок вечного беспомощного «если бы» Тургенева, личные любовные связи которого, возможно, были бы реализованы при лучших, более благоприятных стечениях обстоятельств, а любовь его героев находила бы свое осуществление, если бы ей не мешали либо общественно-социальные условия, либо душевный разлад ума и сердца героев, либо силы какого-то высшего порядка.

Но вопреки всему для тургеневских и бунинских героев эти блаженные

мгновения настоящей любви не проходят бесследно, их привкус остается, ибо, несмотря на разлуки «навсегда и навеки», они с любимыми «все же навеки связаны самой страшной в мире связью» [5, IV; 395]. Важно отметить также, что герои писателей жаждут любви, тянутся к счастью, к любви-наслаждению или к любви-жертве, они живут ожиданиями такой всепоглощающей любви и в определенный момент жизни узнают ее. Но у Бунина этот мотив усугубляется существенным для его художественного мира ощущением изначальной связанности прошлого и настоящего, отсюда оригинальный бунинский мотив узнанности влюбленными друг друга, по сути, их избранности в мире. «И вспомнила тебя душа моя» [5, IV; 183], – так чувствуют многие герои бунинских рассказов, среди множества людей однажды безошибочно выбирая себе вторую половину своей души, встреча и потеря которой так болезненно и остро воспринимается ими. Таким образом, герои Тургенева и Бунина экзистенциально переживают любовь, чувствуя и пытаясь постичь цену ускользающего от них мгновения, невозвратимого мига в жизни человека, которая открывается им в запоздавших прозрениях. Отсюда тургеневская и бунинская родственность в использовании мотива прошлого, воспоминаний и памяти как целостной концепции любви и жизни и лирическая, с оттенком щемящей грусти проникновенность повествования.

Типологическую близость писателей углубляет и эксплицированность мотива несбыточности и полной нереализованности любви в земной жизни человека, связанного с особым пониманием ими жизни и смерти. Тургеневская знаменитая формула «и в любви жизнь и смерть» органична и для бунинской философии любви. Непостижимое сожительство «чувства смерти и чувства любви» (П. Струве), непременно присутствующее в творениях этих писателей, носит метафизический характер. Оно проявляется на бытовом и бытийственном уровнях. Известно, что Тургенев и Бунин почти не изображали брачных отношений, нарочито избегали показывать героев в супружеской жизни и тем более – рождение у них детей: «Неужели неизвестно, что есть странное свойство всякой сильной и вообще не совсем

обычной любви даже как бы избегать брака?» [5, IV; 409]. Любовь их героев стремительна и глубока, она изменяет их жизни, но она всегда конечна в своем земном существовании и трагична в своей укорененности в смерти («полюбив, мы умираем»). Ф. Степун, проникновенно постигнувший смысл бунинской «Митиной любви», справедливо указал на причину Митино го несчастья, при этом выделив три плана в этой бунинской повести: «за двумя ее внешними планами – природно-бытовым и индивидуально-психологическим – существует еще и третий – метафизический <...> несчастье Митиной любви совсем не только его, Митино несчастье, но гораздо больше: трагедия всякой человеческой любви, проистекающая из космического положения человека как существа, поставленного между двумя мирами» [15, 374]. Эти слова как нельзя более точно характеризуют и тургеневские любовные коллизии, что говорит об однородности и созвучности внутренних и художественных миров художников. Но каузальность этого ощущения «между двумя мирами» у писателей, думается, существенно различается. Исполнению любви тургеневских героев препятствуют всевозможные обстоятельства морально-нравственного и психологического рода, за которыми всегда стоит некая высшая сила (чувство извечной вины либо метафизической обреченности человека), преодолеть которую герои не в состоянии. Тургеневская Елена Стахова, единственная из героинь писателя все-таки ставшая женой любимого человека, страшится своего счастья: «А если этого нельзя?» [17, III; 115]. И, действительно, Тургенев всегда разлучает влюбленных, даруя им при этом надежду на встречу в ином мире, поэтому для писателя «любовь сильнее смерти» [17, X; 21]. Индивидуалиста Тургенева процесс «отдания своей души другой душе» («Вешние воды») умилял и отталкивал одновременно: «Любовь – самое высокое, самое неземное чувство. Чужое я внедрилось в твое: ты расширен – и ты нарушен; ты плотью теперь далек, и твое я умерщвлено» [17, X; 56]. В тургеневском понимании присутствия «чужого» или «другого» начала в любви как смертоносного многое интуитивно и

лично. Но писатель А. Барац, толкующий работу современного мыслителя Э. Левинаса, посвященную библейской «Песне песней», отмечает, цитируя самого ученого, важные в контексте тургеневских прозрений моменты: «Левинас определяет смерть, как единственное, истинное Другое. Ведь подлинно Другим является лишь то, что человек никак не может освоить, применить, включить в свой мир. Подлинно Другим является то, что захватывает и подчиняет самого человека. Левинас показывает, что это определение до конца применимо только к смерти: «В приближении смерти важно то, что с некоторых пор мы больше не можем мочь; именно здесь субъект утрачивает свое субъективное властвование... Приближение смерти означает, что мы вступили в отношения с тем, что есть нечто совершенно другое; нечто несущее в себе свойство быть другим и притом не временно...» [3]. И именно в любви между мужчиной и женщиной Э. Левинас усматривает «нечто соразмерное смерти», ведь в любви речь идет о подчинении другому [3]. При этом Левинас не видит во внедрении другого «я» смерти для личности, но говорит о становлении тайны в этом другом, и эта тайна есть тайна женского [3], признаваемая обоими писателя.

Бунин, как и Тургенев, предчувствовал трагичность любви в извечной обреченности человека, в запретности счастья для смертного, но любовь его героев обречена временем, их главный предел, как верно заметила В. Заманская, – время [8, 223]. Н. Бердяев, философствуя о природе Эроса, отмечал, что «любовь есть выход из обыденности...» [4, 80]. Для героев Бунина любовь всегда была озаряющей жизнь зарницей, таким выходом из обыденности, но мгновенным, недолгосрочным, ведь, возможно, любовь – это то, «чего нет и не бывает» [5, II; 295]. Поэтому писатель почти через столетие судьбами своих героев положительно отвечает на осторожный и многозначительный вопрос тургеневской героини. Он намеренно не соединяет влюбленных бытовыми отношениями, ибо развитие той бессмертной, потрясающей основы человеческой жизни любви, о которой пел Петрарка и мечтают люди, на земле не осуществимо, ведь «любовь, в

сущности, не знает исполнившихся надежд» [4, 81].

Говоря о философии любви в творчестве Тургенева и Бунина, нельзя не отметить ее двойственную природу. Писатели понимали любовь как несущую жизнь и смерть, чему отвечало восприятие ими любви как отравы и счастья (Тургенев) или блаженной, сладостной муки (Бунин). Для них в любви заключались чарующая тайна и ужас, и тургеневский мотив парадоксальности любви, прозвучавший в «Фаусте» и «Первой любви», в творчестве Бунина нашел свое выразительное развитие. Любовь к Кате Митю доводила «до какого-то предсмертного блаженства» [5, IV; 338]; чувства к Руси были для ее возлюбленного «нестерпимым счастьем», при мыслях о ней он содрогался «смертной истомой» [5, V; 290], а Мещерский чувствовал «мучительную красоту обожания Натали» [5, V; 380]. Однако двойственный характер любви у этих писателей простирался и глубже. Тургенев различал любовь небесную, преображающую душу человека, и любовь земную, губящую его истинную природу. Предпочтение писатель всегда отдавал любви небесной, духовной, противопоставляя ее любви-страсти, идущей от желания наслаждения. И часто, особенно в поздних его произведениях, он сталкивал эти две разновидности любви (любовь преображающая Санина к Джемме и страсть плотская и рабская Санина к Полозовой, облагораживающая любовь Литвинова к Татьяне и всеразрушающая страсть Литвинова к Ирине). Телесных отношений между мужчиной и женщиной скромный Тургенев никогда не изображал.

Бунину же виделась в близости с женщиной «жуткая любовная тайна» [5, VI; 374], ибо «жены человеческие, сеть прельщения человеком» [5, V; 364]. В дневниковых записях писателя можно прочесть его напряженные размышления о сути природной страсти мужчины и женщины: «Coitus – восторг чего? Самозарождения? Напряжения жизни? Убийства смерти?» [5, VI; 447]. Писателя современники упрекали за откровенность его позднего цикла рассказов «Темные аллеи» (Б. Зайцев писал Бунину, что литература не выигрывает от избытка эротических подробностей), называли рассказы

порнографией (например, И. Шмелев) или отказывали в понимании истинной любви. И. Ильин утверждал, что Бунин – «художник обостренно чувственного мировосприятия и наслаждения, он раскрывает любовь инстинкта, предельно чувственную, земную, плотскую страсть; человеческое сладострастие, не причастное серафическому духу...» [9, 46]. Вряд ли можно полностью согласиться с подобными выводами русского философа, ибо Бунин как настоящий художник рисует разные стороны любви, и плотская любовь у него, за редким исключением, – в то же время душевная любовь, «которая является источником всякой жизни» [16, 102], в том числе и жизни творческой. Бунин также жаждал соединения с нежной женственной душой, знал в жизни и изображал чистую романтическую и возвышенную любовь, стоит назвать его «Велгу», «Осенью», «Грамматику любви», «Прекраснейшую солнца», «Холодную осень», «Поздний час» и др. Как и Тургенев, в своих произведениях он также показывает две любви, в которых трудно разобраться его героям (Митя плотскую страсть питает к Аленке и сходит с ума от «сверхчеловеческого счастья» – любви к Кате; Мещерский пропадает от двух обрушившихся на него, одинаково страстных, но разных любвей к Соне и Натали). Но его принципиальное отличие от Тургенева и от всей традиции русской классической литературы состоит, думается, в том, что любовь в его понимании не нуждается в этических оправданиях и не руководствуется нравственными понятиями, потому что таково онтологическое свойство любви как самой жизни – она безгрешна. Митина телесная привязанность к Кате не греховна по сути своей, отношения героев рассказов «В Париже», «Руся», «Генрих», «Галя Ганская», «Весной в Иудее» естественны, как сама жизнь. И в таком ветхозаветном понимании любви, которой любили только герои библейской «Песни песней», и состоит уникальность бунинского чувства любви.

Таким образом, вышесказанное позволяет говорить не о наследовании Буниным традиции Тургенева, а об органичной типологической близости двух великих русских писателей и уникальности их художественных

индивидуальностей, что выразительно прослеживается в понимании ими любви как таинственной, стихийной и преображающей жизнь человека силы, любви как свойства бытия и основы экзистенции человека в мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. Тургенев / Ю. Айхенвальд. — М. : Республика, 1994. — Вып. 2. — 592 с.
2. Анненский И. Ф. Рецензия на 1–5 тома сочинений Бунина 1904—1909 гг. / И. Ф. Анненский // Иван Бунин: pro et contra : антология. — СПб. : Изд-во РХГИ, 2001. — С. 300—303.
3. Барац А. Крепка как смерть любовь [Электронный ресурс] / А. Барац. — Режим доступа : http://www.machanaim.org/tanach/_weekly/ba_ahava.htm.
4. Бердяев Н. А. Самопознание : (Опыт философской автобиографии) / Н. А. Бердяев. — М. : Книга, 1991. — 447 с.
5. Бунин И. А. Собрание сочинений : в 6 т. / И. А. Бунин. — М. : Худож. лит., 1987—1988.
6. Иван Бунин: pro et contra : антология. — СПб. : Изд-во РХГИ, 2001. — 1016 с.
7. Волошин М. А. Рецензия на книгу «Стихотворения» Ивана Бунина / М. А. Волошин // Иван Бунин: pro et contra : антология. — СПб. : Изд-во РХГИ, 2001. — С. 262—265.
8. Заманская В. В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий : учеб. пособие / В. Заманская. — М. : Флинта : Наука, 2002. — 304 с.
9. Ильин И. А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин. Ремизов. Шмелев / И. А. Ильин. — М. : Скифы, 1991. — 216 с.
10. Колобаева Л. А. Концепция личности в русской литературе рубежа XIX—XX вв. / Л. А. Колобаева. — М. : Изд-во МГУ, 1990. — 336 с.
11. Лотман Ю. М. Два устных рассказа Бунина : (К проблеме «Бунин и Достоевский») / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Избранные статьи : в

- 3 т. — Таллинн : Таллинн : Александрия, 1992—1993. — Т. 3. — С. 172—184.
12. Мескин В. А. Любовь в прозе И. А. Бунина: диалог с предшественниками и современниками [Электронный ресурс] / В. А. Мескин. — Режим доступа : <http://literary.ru>.
 13. Сливацкая О. В. Основы эстетики Бунина / О. В. Сливацкая // Иван Бунин: pro et contra : антология. — СПб. : Изд-во РХГИ, 2001. — С. 456—478.
 14. Сливацкая О. В. Чувство смерти в мире Бунина / О. В. Сливацкая // Русская литература. — 2002. — № 1. — С. 64—78.
 15. Степун Ф. А. Литературные заметки: И. А. Бунин (по поводу «Митиной любви») / Ф. А. Степун / Иван Бунин: pro et contra : антология. — СПб. : Изд-во РХГИ, 2001. — С. 365—385.
 16. Струве П. Б. И. А. Бунин / П. Б. Струве // Струве П. Б. Статьи о русских писателях // Русская литература. — 1992. — № 3. — С. 100—102.
 17. Тургенев И. С. Собрание сочинений : в 10 т. / И. С. Тургенев. — М. : Гослитиздат, 1962.
 18. Чулков Г. И. Листопад / Г. И. Чулков // Иван Бунин: pro et contra : антология. — СПб. : Изд-во РХГИ, 2001. — С. 280—286.

АННЕНКОВА О. С.

КОХАННЯ ЯК ВЛАСТИВІСТЬ БУТТЯ

У ХУДОЖНЬОМУ СВІТІ І. ТУРГЕНЄВА ТА І. БУНІНА

У статті розглядаються творчі зв'язки І. Тургенєва та І. Буніна в дискурсі дореволюційної та емігрантської критики; досліджуються особливості концепції кохання в прозі І. Тургенєва та І. Буніна в аспекті історико-типологічного аналізу.

Ключові слова: любов, життя, смерть, онтологія, екзистенція.

ANNENKOVA E. S.

LOVE AS A PROPERTY OF LIFE
IN THE ARTISTIC WORLD OF I. TURGENEV AND I. BUNIN

The article deals with Turgenev' and Bunin's creative contacts in the discourse of pre-revolution and émigré criticism; investigated the features of the concept of love in Turgenev' and Bunin's prose in the historical-typological analyze.

Key words: love, life, death, ontology, existence.

Стаття надійшла до редколегії 22.09.2013 р.

